

Дело Бартенева


По обвинению в умышленном убийстве артистки Марии Висновской А.М. Бартенева предан суду. По обвинительному акту дело состояло в следующем.

В феврале 1890 года кто-то из знакомых Бартенева представил его Висновской в кассе Варшавского драматического театра. Миловидная наружность известной на всех сценах артистки произвела на Бартенева сильное впечатление. Через некоторое время он сделал Висновской визит, но, чувствуя некоторую робость в ее присутствии, бывал у своей новой знакомой редко и ограничивался лишь посылкой букетов и изредка утренними посещениями. Позднее Бартенева стал бывать у Висновской чаще и, наконец, сделал ей формальное предложение вступить с ним в брак. Это предложение зависело от согласия на этот брак родителей Бартенева, с которыми он во время отпуска должен был переговорить.

Съездив в деревню, Бартенева с родителями, однако, не говорил об этом, ибо наперед знал, что получит отказ. Висновской же он сказал, что с родителями говорил, но их согласия не добился.

Бартенева все чаще стал посещать Висновскую, ежедневно посылал ей на дом и на сцену мелкие подарки и букеты, и таким образом поддерживались между ним и Висновской хорошие отношения. Эти отношения простого знакомства круто переменились 26 марта 1890 г.

Вечером этого дня, после ужина в квартире Висновской, последняя отдалась впервые Бартеневу. Счастье Бартенева, однако, не было полным. Большой сценический успех, красивая наружность и сильно развитое кокетство Висновской привлекали к ней мужчин, и их посещения вызывали в Бартенева чувство ревности. Под влиянием этого чувства и горя, что он не может жениться на Висновской, Бартенева часто говорил ей о своем намерении лишиться себя жизни; Висновская же, охотно говорившая о кончине и окружавшая себя эмблемами смерти, поддерживала этот разговор и показывала банку, в которой, по ее словам, был яд и маленький с белой ручкой револьвер. Во время одного из таких разговоров Висновская спросила Бартенева: хватило ли бы у него мужества убить ее и затем лишиться себя жизни? В другой раз она взяла с него обещание, что он известит ее об окончательном решении покончить с собой и даст ей возможность увидеть его и проститься с ним. Мрачные мысли, однако, быстро сменялись шумными пирушками в загородных ресторанах и любовными свиданиями. Рядом с ними шли, однако, взаимные неудовольствия и легкие размолвки. Как-то в мае Висновская заявила Бартеневу, что его ночные посещения компрометируют ее, и просила его, если он желает встречаться с ней наедине, приискать квартиру в глухой части города. 16 июня 1890 г. комната, нанятая Бартеневым в доме № 14 по Новгородской улице, была отделана, и в тот же день Бартенева предложил Висновской взять ключ от этой квартиры. «Теперь поздно», — ответила она и, не объясняя значения слова «поздно», утром следующего дня, то есть 17 июня, уехала на целый день на дачу к матери. Мучимый ревностью и объясняя отъезд Висновской и слово «поздно» желанием прервать с ним отношения, Бартенева написал Висновской полное упреков письмо, которое оканчивалось заявлением, что он лишит себя жизни. Одновременно с письмом он отослал ей все полученные от нее письма, перчатки, шляпу



и другие мелкие вещи, взятые им на память. Отослав письма и вещи, Бартенев поехал к своим знакомым Михаловским и вернулся около полуночи домой. Полчаса спустя горничная Висновской передала ему записку своей барыни, прибавив, что Висновская ждет его в карете. Несколько минут спустя Бартенев и Висновская уехали в город. На пути и в квартире на Новгородской улице происходили объяснения, кончившиеся тем, что Висновская назначила Бартеневу свидание в той же квартире на другой день в шесть часов. Это свидание, как говорила Висновская, должно было быть последним, потому что уже окончательно был решен ее отъезд через несколько дней за границу, сначала в Галицию, а затем в Англию и Америку.

На другой день в седьмом часу ожидавший Висновскую Бартенев открыл ей двери помещения на Новгородской улице. Войдя в комнату, Висновская положила на диван два свертка, раздевшись, вынула из одного из них пеньюар, а из другого — большой заряженный принадлежавший Бартеневу и хранившийся у Висновской револьвер. На вопрос Бартенева, зачем она принесла револьвер, Висновская ответила, что он ей больше не нужен и что она возвращает его владельцу. В начале свидания оба находились под впечатлением размолвок последних дней; потом разговор стал нежнее, Бартенев говорил о любви, о том, что он не переживет ее отъезда, и вскоре прежние отношения возобновились. Приблизительно в десять часов вечера Висновской захотелось есть. Поужинав, Висновская легла на диван. Часа два спустя Висновская спросила Бартенева, который час. Оказалось, что полночь миновала. «Пора мне домой», — сказала Висновская и собиралась одеваться, но, по просьбе Бартенева, легла опять и задумалась. «Какая тишина, — сказала она через некоторое время, — мы точно в могиле». Потом, помолчав, прибавила: «Пора мне ехать, но как-то не хочется уходить, я чувствую, что не выйду отсюда». Бартенев на

это ничего не ответил, и разговор прекратился. «Разве ты меня любишь? — возобновила Висновская разговор, — если бы ты меня любил, то не грозил бы мне своей смертью, а убил бы меня». Бартнев возражал, что он себя может лишиться жизни, но убить ее у него не хватит сил. Вслед за этим он прикладывал револьвер с взведенным курком к себе. «Нет, это будет жестоко, убить себя на моих глазах, что же я тогда буду делать», — сказала Висновская и, вынув из кармана своего платья две банки — одну с опиумом, а другую с добытым Бартневым, по ее просьбе, хлороформом, предложила принять вместе яду и затем, когда она будет в забытьи, убить ее из револьвера и покончить затем с собой. Бартнев согласился. После этого они оба начали писать записки. Висновская писала долго, рвала записки и опять начинала писать. Окончив свои записки раньше Висновской, Бартнев начал ее торопить. После этого Висновская приняла опиум вместе с портером; Бартнев тоже выпил немножко отравленного портера. Затем Висновская легла на диван и, помочив два носовых платка хлороформом, положила их себе на лицо. Через некоторое время Бартнев присел на край дивана, обнял левой рукой находившуюся в забытьи Висновскую и, приложив бывший у него в правой руке револьвер к обнаженной груди ее, спустил курок. Когда это случилось, Бартнев с точностью определить не мог; он допускает, однако, что выстрел последовал в три или после трех часов утра. Совершив убийство, Бартнев около пяти часов утра запер квартиру и, забрав с собой револьвер, уехал домой.

Объяснение обвиняемого о лишении им жизни Висновской по ее просьбе и согласно желанию убитой, говорит обвинительный акт, опровергается вполне как показаниями родственников и друзей потерпевшей, так и содержанием восстановленных из найденных на месте преступления разорванных на мелкие куски записок покойной. Текст записок гласит следующее: 1) «Человек

этот угрожал мне своей смертью — я пришла. Живой не даст мне уйти». 2) «Итак последний мой час настал: человек этот не выпустит меня живой. Боже, не оставь меня! Последняя моя мысль — мать и искусство. Смерть эта не по моей воле». 3) «Ловушка? Мне предстоит умереть. Человек этот является правосудием!!! Боюсь... Дрожу! Последняя мысль моя матери и искусству. Боже, спаси меня, помоги... Вовлеки меня... это была ловушка. Висновская». По поводу содержания последних трех записок Бартенев ничего не смог ответить.

Он подробно описал все обстоятельства их пребывания в одной комнате перед убийством. «Я так был убежден, что отец никогда бы мне не разрешил жениться на Висновской, а поэтому и написал в записке фразу: „Вы не хотели моего счастья“. Висновская долго писала записки, писала с расстановками, не спеша обдумывая. Напишет что-то и остановится, думая, глядя на дверь; опять напишет два-три слова и снова размышляет. Написав записки, она рвала их, бросала, куда попало, и снова принималась писать; опять рвала и снова продолжала писать. Я кончил писать гораздо раньше. Комната освещалась одной свечкой, когда мы начали писать, я хотел зажечь другую свечу, но она сказала: „Не нужно!“ Сколько было написано ею записок, не знаю; помню только, что осталось их две; я спросил ее, что она написала; она ответила: одну матери, а другую в дирекцию театров; о разорванных записках я ее не спрашивал. Она захотела прочесть мои записки и разорвала ту, которую я написал в резкой форме Палицыну, сказав, что если ее оставить, то Палицын ничего не сделает для матери, как она его о том просит в своей записке. Затем опять начался разговор о нашей любви, о безысходности положения, о том, что нам остается умереть, и тут я прибавил, что „уж если так, то надо это сделать поскорее!“. Она решила сначала принять опиум, чтобы привести себя в бессознательное состояние, а я должен был сначала ее застрелить, а по-

том уж себя. Она насыпала в стакан с портером опия и стала пить глотками эту смесь. Остаток, долив портером, выпил я. Она легла на диван и просила положить ей на колени две записки, ею написанные. Я это исполнил. Затем она намочила свой и мой платки хлороформом и наложила их себе на лицо. Помню, что она попросила дать ей еще опия; я подал, но она не приняла, так как у нее появилась рвота. Она просила убить ее во имя нашей любви, настойчиво повторяя: „Если ты меня любишь, убей“. Я сидел возле нее с револьвером в правой руке и взведенным еще раньше курком. Я, кажется, обнял ее за шею левой рукой, а она все время лепетала, чтобы я ее убил, если люблю. Помнится, что я прильнул к ее губам; она по-французски сказала: „Прощай, я тебя люблю“; я прижался к ней и держал револьвер так, что палец у меня находился на спуске; я чувствовал подергивания во всем теле; палец как-то сам собой нажал спуск, и последовал выстрел. Я не желаю этим сказать, что выстрелил случайно, неумышленно; напротив того, я все это делал именно для того, чтобы выстрелить, но только я хочу объяснить, что то мгновение, когда произошел выстрел, опередило несколько мое желание спустить курок. Голова у меня была как в тумане. После выстрела мной овладел ужас, и в первый момент у меня не только не появилось мысли застрелить тут же себя, но у меня никаких мыслей не было или, вернее, они все перепутались в моей голове, и я не знал, что делать. Мне помнится слабо, что я схватил сифон с сельтерской водой и стал ее лить на голову Висновской; для чего я это делал, не знаю; я не давал себе отчета в бесполезности этой меры. Который был час в это время, не знаю: может быть, три часа, может быть, больше. Долго ли я оставался после выстрела и что я делал, не могу дать себе отчета. На меня нашло какое-то оцепенение, я машинально надел шинель и фуражку и поехал в полк. Не помню, запер ли я дверь или нет. Содержание трех разорванных записок меня

удивляет; я не думал принуждать ее к смерти, я только говорил, что не могу жить без нее. Если бы она хотела, она легко могла бы меня успокоить, так как вообще она могла делать со мной все, что ей было угодно. Стоило ей только сказать мне слово, что ничего этого не нужно, что она хочет еще жить, я был бы далек от мысли об убийстве, я бы и сам, пожалуй, воздержался от мысли о самоубийстве. Но Висновская даже не намекнула на желание пользоваться жизнью и, напротив того, своими разговорами поддерживала наше общее желание расстаться с жизнью во имя нашей любви». На вопрос о том, почему же Бартнев не убил себя, он ответил, что его душевное состояние было таково, что он об этом совсем не думал. По делу допрошено 67 свидетелей. Показания одних из них подтверждали намерение Бартнева лишить Висновскую жизни. Другие же указывали на такой характер их отношений, какой явствовал из показаний Бартнева. Бартнев был предан суду по обвинению в умышленном убийстве. Рассматривал дело Варшавский окружной суд без участия присяжных заседателей 7—10.2 1891 г.

* * *

Между обвинением и подсудимым в настоящем деле нет места для захватывающей дух борьбы, для непримиримого спора. Подсудимый, сознавшийся на предварительном следствии, подтвердил без всяких уклонений свое слово и здесь, на суде. Это упрощает задачу защиты, суживает объем ее, ограничивая ее доводы теми, которые по данным делам могут влиять лишь на меру и степень заслуженной подсудимым кары.

Формулируя с достаточной точностью признаки, по которым судья распознает между безнравственными поступками такие, которые влекут за собой уголовную кару, указывая на роды и виды наказаний, сопровождающих то или другое преступление, закон не исчерпал всех случаев, которые влияют на понижение назначенного

наказания, но предоставил судьям значительную долю усмотрения при смягчении его. Все, что в жизни подсудимого, в его характере, в его прирожденных достоинствах и недостатках, наконец, в обстановке совершенного им преступления возбуждает сожаление, снисходительное сострадание в честном человеческом сердце, все это имеет право принять во внимание и судья, отправляющий правосудие. Отсюда следует, что изучение условий, которые влияют на меру наказания, ожидаемого подсудимым, должно совпасть с воспроизведением тех фактических подробностей дела, в которых заключаются яркие признаки наличности данных, уполномочивающих меня говорить о пощаде и снисхождении к моему клиенту. Остановливаясь на них, я воспользуюсь планом обвинителя: сначала изучу прошлое подсудимого и его жертвы до их первой встречи и затем уже, проследив печальную драму, начавшуюся их знакомством, подойду к ужасной минуте преступления. Вся разница будет заключаться в том, что я введу в дело факты, пройденные молчанием со стороны-обвинителя, а эти факты дадут место иным выводам, более мягким, чем те, к которым пришел он; но метод, обнаруживающий в своем применении присутствие человечности и сострадания, надеюсь, имеет право конкурировать с тем, которому он противопоставляется. Итак, к делу. Обвинитель познакомил вас с личностью Марии Висновской. Он не отрицает, даже подчеркивает темные пятна в ее жизни и поступках, ставя, впрочем, их рядом с высотой ее умственных сил, выразившейся в думах и мыслях, занесенных ею в свой дневник. С своей стороны, присматриваясь к личности покойной, я не вижу необходимости ни идеализировать ее внутренних сил, ни унижать ее житейские поступки. Судя по тому, чего она достигла на сцене, мы знаем, что она не была обижена судьбой: завидной красоте гармонировал талант, эта искра Божия в душе, не затушенная, а развитая трудолюбием и любовью к образованию в молодой девушке.

Но было бы ошибкой о высоте умозрений заключать по выпискам из ее дневника. Те мысли, которые приписал ей обвинитель, были цитатами, занесенными ею для памяти, из умных книг, попадавших ей под руку. Трудно себе представить, чтобы полные отчаяния пессимистические изречения скептика античного мира о блаженстве неродившихся и о счастье рано умерших были «законченными принципами» ее в то время почти еще детской головки, а не просто поразившими ее слух «страшными, но красиво сказанными словами» умного человека. Все в свое время... Для отвращения от жизни еще не настало срока, а жизнь с ее обстановкой пока работала над формировкой иных характерных черт в личности покойной. Время, когда Висновская записывала указанные цитаты, застает ее уже на сцене одного из театров. Молодой талант уже замечен, выделен из толпы лицедеев из-за куска хлеба. Талант, воплощенный в обольстительные формы молодой красоты, замечен трижды — артистка делается любимицей. Тут-то бы, кажется, быть довольной, как никогда, своим положением, тут-то бы, кажется, не вспомнить ни одного из тех пессимистических изречений, которые ей пришли на ум, а она в них находит, точно несчастный в грустных музыкальных мелодиях, отголосок своему душевному настроению. Разгадка этого — в фактах, занесенных ею в свои книжки. Очарованная ее своей эстетической карьерой сцена разочаровывает ее реализмом будничной жизни артиста. В окружающей ее театральной публике она встретила то, что приходится наблюдать везде и всюду: большинство поклонников, не умеющих уважать женщин в артистке и отделять интересы ее как художника от интересов женского и общечеловеческого достоинства. Любуясь ею как артисткой, хотели быть близкими к ней как к женщине. Служа эстетическому запросу публики на сцене, она не обретала покоя и после того, как опускался занавес театра. Любитель, располагавший благодаря средствам

возможностью всегда занимать лучшее место в театре, требовал той же доступности от артистки и вне театра, когда артистка оставалась только женщиной. И не всегда хватало у ней средств на борьбу с этими условиями артистической жизни. Вы помните те страницы ее дневника, где она жалуется на неотвязчивые искательства одних, на дерзкую самоуверенность других, на оскорблявшее девическое достоинство преследование третьих... Молодое сердце хочет любить, верить в то, что и ей на долю будет дана отрадная встреча, под впечатлением этого она подчас с доверием выслушивала ласковое слово, полуробкое признание, а через несколько дней уже клянет человека, оказавшегося, как и все, искателем либо сильных ощущений, либо быстрых и решительных побед в мире будуаров и таинственных парков... Так живет она, то удовлетворенная артистическим успехом, то оскорбляемая грубостью поклонников, то обольщенная любовью, то разочарованная пошлостью, прикрытой любовными речами. Все это отзывается в ее записках, все это мало-помалу, не формируя из нее глубоко убежденной пессимистки, однако, обращает ее воззрение к смерти и небытию. Она любит говорить о них, любит этого рода образы, и раз — это было по какой-то странной мистической случайности — записала в свою книгу и картину своей будущей смерти. Она хотела бы, записала она десять лет тому назад, умереть в комнате, обтянутой розовой материей, таинственно освещенной лампой, среди цветов и музыки... Позднее жизнь исполнила ее мечтательное желание, хотя суровые условия немного пародировали обстановку, где Висновская покончила счеты с жизнью, пародировали ее, начиная с более темных колеров материи... но об этом после. Книга книгой, а жизнь жизнью. Висновская продолжает играть на сцене, продолжает завоевывать положение, отвлекающее ее помыслы от смерти. Прочно завоеванная репутация талантливой артистки в ее руках. Ею занята пресса, она желанная работница на лучшей сцене. Од-

нако социальное положение не удовлетворяет всех целей жизни. У нее остается внутренний мир женского сердца, а ему нанесены в прошлом тяжелые раны, которых не исцелило время и не утолили успехи. Висновская никогда не уходила в сцену всем существом своим. Женские семейные инстинкты не умирали в ней. Мечты ранней девичьей поры об избраннике не оставляли ее в более зрелую пору. На это нам намекают ее разговоры о женихах, ищущих ее руки. А если это верно и верно с тем вместе мое мнение о ней, то мы можем смело заглянуть в ее внутренний мир, в эту следующую пору ее жизни и отгадать мечты и чувства, какие она тогда переживала.

Прошлое, ее чем-то жестоко оскорбившее, носилось перед ней, как темное пятно, которое помешает счастью, если бы оно выпало на ее долю. Она умеет любить и может полюбить, она сумела бы наградить своего избранника не только нежностями любящего сердца, но и прелестью талантливого женского ума. Но человек, который ей отдаст себя, который соединит свой путь с ее путем, должен будет принести страшную жертву — он должен будет примириться с тем, что ее прошлое омрачено, что сзади его там, где-то ведомый или неведомый ему, живет человек, надругавшийся над его женой, смертельно оскорбивший ее, замаравший ее когда-то непорочное имя. Сумеет ли избранный простить? Как перенесет он часы признания, которыми ей придется отравить первые же дни их счастья? И если он все простит ей, — действительно ли он примирится с пережитым, и оно, вопреки его словам и, может быть, даже клятвам, не будет носиться перед ним, отравляя дни их семейного мира? Может быть, не раз, не два, слушая ее полные любви и ласки речи, он будет сравнивать их с теми, что расточала она другому, отдаваясь ему, как жертва, и сложное чувство ревности и оскорбленного самолюбия исказит его черты... Такие думы заставляли ее считать неисполнимым ее право на светлый семейный очаг, унижали ее в ее

собственных глазах. Под влиянием этого внутреннего протеста она, что казалось другим кокетством и только кокетством, так охотно окружала себя поклонниками, так часто выслушивала их действительные и мнимые предложения руки и сердца.

Самоуважение заставляло ее верить в то, что она, может быть, честно любила, жажда семейного очага побуждала отвечать на внимание вниманием, а ошибки прошлого обуславливали неуверенность во взаимности, заискивание перед всеми, кто был, видимо, равнодушен к ней. Приходилось, кажется, идти далее. Эти, обещавшие в будущем титул мужа, но встречавшие, точно сговорившись, на пути своем разные препятствия, были мужчинами, были нетерпеливы в своей страсти. Чтобы не терять избранника, не потерять надежды на счастливый исход, она, по ошибкам прошлого изучившая обычную натуру мужчины, сама идет навстречу их желаниям, идет и, как показал опыт, ошибается, запутывается и все ниже и ниже падает в своих собственных глазах.

Это не могло не отозваться на нервах, на характере Висновской. А к этому прибавьте те изводящие душу условия, среди которых проходит жизнь артистки театрального искусства. Знаю, что меня назовут за это ретроградом, не умеющим прозреть чистого идеала сквозь туманы действительности, но действительность только и может объяснить многое туманное и неразгаданное в личности покойной и в роковой развязке ее встречи с подсудимым.

Как артистка, она не могла относиться с суровой недоступностью к массе поклонников и ухаживателей и незаметно развила в себе качество, так неизбежное при подобном антураже, она переродилась в кокетку, в ту опасную кокетку, обращение которой с ухаживателями могло одновременно кружить головы многим, лишая их самообладания и умения отличать в ее отношениях любезность от взаимности. Темным пятном лежит на ее личности этот бьющий в глаза всем ее наблюдатель-

ным и серьезным знакомым дефект, но он отчасти вызван отрицательными сторонами сценической профессии. В противоположность поэту, художнику звука, кисти и резца, артист не может ограничиться узким кругом ценителей, стоящих на высоте культуры, не может успокоиться на мнении немногих при полном молчании безучастной и чуждой художнику толпы; артист работает перед зрителем всех ступеней развития, в театр открыт доступ всем и каждому, и самый характер искусства делает его заманчивым для зрителей любого умственного и нравственного развития. Тогда как поэт и художник работают в тиши, замкнутые в своем рабочем уединении, и отдают себя на суд уже тогда, когда настроение ценителей может повлиять на будущую, а не на совершившуюся уже работу, артист сцены творит свое дело на глазах всех, под шум одобрения или неодобрения и, что всего тяжелее, под шум одобрения, где голоса толпы могучее и звучнее, чем голоса ценителей, где от этого шума толпы зависит материальный успех дела и положение артиста. Поневоле артист иначе относится к зрителю, чем его родители по духу, поневоле артистка снисходительнее к смелым посетителям театра, видя в них зачинщиков оценки ее таланта, могущих или одобрить, или нагнать уныние на нее в момент художественной работы.

Но и это еще не все. Художники — не актеры, они могут работать в часы свободного подъема духа. Они могут отойти от стола, полотна и инструмента, если душа их смущена или утомлена житейскими скорбями, не гармонирует с задуманным делом. Они могут передохнуть и приступить снова к труду в любую минуту дня и ночи. Актер — не то: ни в выборе пьесы, ни в часах отдыха и труда он не властен; когда взвился занавес театральный, он должен быть тем, чем велит быть ему роль, как бы ни были противоположно настроены струны его души... Нет ни отсрочки, ни выбора. Любая природная мощь, любая нервно счастливая организация распата-

ются. Молодая женщина, как Висновская, игравшая чуть не ежедневно, утомленная и трудом и своим внутренним разладом, не могла выдержать долго; она должна была в годы, когда с ней встретился Бартенев, быть уже разбитой натурой. Такой она и была. То не знающая отдыха работница, то ловкая кокетка, очаровывающая одновременно нескольких, то мечтательница о семейном очаге, то рабыня чужих страстей, то вдохновенная артистка, то стремящаяся сделать из своего искусства блестящую авантюру с целью добиться прочного материального положения... В это время с ней в фойе театра знакомится Бартенев. Знакомство это не могло произвести на нее глубокого впечатления. Бартенев, как вы сами видите, не из тех, которым суждены победы над представительницами прекрасного пола. Маленький, с обыкновенной, некрасивой внешностью, с несмелыми манерами — что он ей? Другое дело она: красивая, блестящая артистка. Его к ней повлечет, ее к нему едва ли.

Он делает ей визит, он повторяет его... То же делают многие. Висновская, как опытный вождь, вербующий армию, записывает его в ряды своей партии и только поэтому открывает ему двери своего дома, не чувствуя ни повода, ни побуждений отличать его визиты от других или ждать их с нетерпением молодости и любви.

А он бывает все чаще и чаще... засиживается, робко теряется при ее взгляде, теряет и тот ум, что ему дан. Куртизанка, падшая женщина, стала бы смеяться над этой любовной сентиментальностью и пошла бы либо навстречу ей, если бы это входило в ее планы, либо прогнала бы вздыхателя, мешающего ей жить, как ей хочется. Но Висновская не куртизанка, не падшая женщина. Она понимает чувство Бартенева, уважает его в нем. Она не может отвечать на него; служительница прекрасного искусства, она не может и в области привязанностей остановиться на чем-либо внешне не эстетическом; но глубина его привязанности и не оскорблявшее

ее даже намеком на что-либо грязное чувство молодого человека льстит ей. Она его терпит и на его робкие речи отвечает бессодержательными и привычными фразами кокетства, благо они вошли уже в характер, и довольна тем, что эти фразы утешают гусара, сводят его с ума, греют его, может быть, не привыкшего к таким речам. Она не ошиблась, Бартенев ездил к ней не с целью мимолетного успеха, он предложил ей руку... Этим предложением она была польщена: гордость и самолюбие ее нашли в нем — рядом с скорбными чувствами, что она не дождалась лучшей, завиднейшей доли, — и удовлетворение: ее ценят, ее уважают, считают за счастье соединить ее руку со своей... И потому-то это предложение так облегчило ее тяжелое состояние духа. В это время уже стало замечаться ухудшение ее отношений к печати и к обществу. Ей уже начали приходиться в голову мысли о том, что рано или поздно молодость должна неминуемо пройти, а талант, как бы он велик ни был, вместе с молодостью может иссякнуть. В такое время, в тяжелые минуты горьких испытаний, раздражения и сильного физического и нравственного утомления всякое хорошее известие принимается охотнее. Это и понятно. Ведь человек, который видит перед собой смерть, хватается за указанный ему луч надежды, как за прочный якорь спасения. Точно так же Висновская, не чувствуя любви к Бартеневу, приняла его предложение с благодарностью. В этом предложении она видела надежду на спасение. А Бартенев был серьезно намерен жениться. Правда, он не говорил отцу о своем намерении, хотя и обещал Висновской сделать это, но это еще нисколько не говорит против него. Отец его строг, и он боялся его. Очень естественно, что, находясь в Варшаве, он находился под влиянием Висновской, но как только он вышел из-под этого влияния, как только выехал в отпуск к отцу, так тотчас же, по мере удаления от Варшавы, его начал все более и более охватывать страх перед грозным отцом. Ничего нет невероятного в том,

что отец Бартенева никогда не дал бы согласия сыну жениться на актрисе. Наверно, и среди нас многие пришли бы в смущение, если бы сын кого-либо из нас сказал, что он намерен вступить в брак с актрисой. Известно, что браков с актрисами избегают даже многие страстные любители искусства. Бартенев знал это и понимал прекрасно. Он не забывал при этом, что между ним и Висновской существует племенная и религиозная рознь, которая должна послужить одним из главных препятствий для того, чтобы получить от отца разрешение на брак. Вот почему по приезде к отцу он ничего не говорил ему о своем намерении. Вместе с тем он ей писал, что отец не дает своего согласия на брак. На первый взгляд такой поступок может показаться странным, но в сущности странного в нем нет ничего. Он просто не решился сказать ей правду, потому что был влюблен в нее до безумия. У него не хватило духу признаться ей в своей уверенности, что отец не дал бы ни за что своего согласия и что просить этого разрешения он не решался: все равно это был бы напрасный труд. Ему казалось, что если он будет откровенен, если скажет всю правду, то она подумает, что он считает ее не заслуживающей быть его женой и что самое предложение он делал ей с задней мыслью, — словом, что и он такой же, как и все остальные. Прежде всего он боялся этой неправдой оскорбить ее, боялся, чтобы она не отшатнулась от него и не удалила его от себя. Возвратившись от отца, он не прекращает своих визитов к ней; он не перестает верить в ее нравственную чистоту, считает ее святой, ставит ни во что слухи, которые втаптывают ее в грязь, и даже обижается на товарищей, если они позволяют себе намеки на ее доступность. Он считает ее совершенно не повинной в тех толках, которые распространяются о ней в обществе, и всю вину сваливает на окружающих ее. Он любит ее и убежден, что всю грязь, которой пачкают ее репутацию, он оставляет окружающим, а ее чистая, незапятнанная натура остается на

долю ему. Он приготовил ее к мысли о том, что брак невозможен; но при этом он старался поставить себя так, чтобы она могла смотреть на него не как на любовника, а как на мужа, который не имел возможности дать фактическим отношениям природы освящение религии не потому, что он этого не хочет, но потому, что чужая воля мешает ему. Если он хотел и требовал, чтобы она отдалась ему и принадлежала ему, то исключительно как человеку, который питает к ней горячую любовь. Да простит меня подсудимый, но я не верю, чтобы он имел успех у женщин. Нам неизвестно до сих пор, чтобы у него в жизни был какой-либо роман, а если, может быть, и был, то, вероятно, он мог похвастать успехом только у женщин низшего разряда. Я думаю поэтому, что роман с Висновской был первый серьезный роман в его жизни, где он впервые увидел или, может быть, ему показалось, что им заинтересовалась умная и красивая женщина. Естественно, что он дорожил ее вниманием к нему, ценил его высоко и был этим вниманием горд перед другими. Ему казалось, что их взаимная любовь не только не будет компрометировать ее, но, наоборот, принесет ей даже пользу: из ее передней исчезнут люди, для которых безразлично, отвечает она им взаимностью или нет. Он стремился к тому, чтобы устранить этих людей и освободить ее от них. Все это были лица, привыкшие к одним легким победам и понимающие только быструю капитуляцию. Бартнев был среди них иной человек, он признавал только одно — сдаться. Таково было отношение Бартнева к Висновской. Охваченный отуманившей его страстью, он млеял, унижался перед ней; он забыл, что мужчина, встречаясь с женщиной, должен быть верен себе, быть представителем силы, ума и спокойствия, умеряя нетерпение, сдерживая воображение, помогая слабости женщины. А он лишился критики и только рабски шел за ее действительной и кажущейся волей, губя себя и ее этой порывистостью исполнения. Висновская более, чем

кто-либо другой, не годна была к роли руководителя, нуждалась, наоборот, в контролирующей заботе о себе. Ее сценическими эффектами воспитанная фантазия развила в ней привычку переносить в действительную жизнь театральные формы: блеск, бьющий в глаз наряд, трагические позы — она не оставляла и дома. Оттуда же перенесла она в частную жизнь свою любовь к разговорам о смерти. Ведь на сцене это так хорошо выходит, так обаятельно действует на зрителя, так интересна бывает артистка, когда в роли Офелии или Дездемоны, в цветах или вся в белом появляется она перед зрителем, за несколько минут до своей смерти. А затем, утонувшая или убитая, она по окончании пьесы под шум залы, вновь выходит и принимает лавры и рукоплескания. Вот эту-то эффектную, театральную смерть — не страшную, красивую любила Висновская и пугала ею своего обожателя, драпируясь в знакомые фразы. А Бартенев именно этого-то и не понимал. Она была для него идеалом, а каждое слово ее он принимал на веру, принимал серьезно, не обсуждая и проникаясь глубоким уважением. Мало-помалу она приучает его, и он проникается ее идеями; он сам начинает думать и говорить о смерти и запасается ядами и револьвером. Но он делает это не для эффекта, не для рисовки, а серьезно. Он делается в ее руках полнейшим автоматом; он повинуется ей слепо. Она велит достать и принести яд — он исполняет. Она требует револьвер — он приносит. Я убежден, что две помеченные свидетелями сцены с револьвером были плодом этого диссонанса в отношениях к орудиям смерти Висновской и Бартенева. Она играла — он жил. Раз он приложил револьвер к своему виску и ждал команды, но Висновская, довольная эффектом, удержала его, иначе он бы покончил с собой. Довольно было одного слова: «Что будет со мной, когда у меня, в квартире одинокой женщины, найдут самоубийцу». Другой раз револьвер был приложен уже к ее виску. Случай этот знает Мишуга. Легко убедиться, что

это было не нападение Бартенева на Висновскую. Если бы это было так, то крик неожиданности и испуга привлек бы к ней сидевшего в соседней комнате Мишугу; но мы знаем, что она вышла к последнему с пистолетом в руках, и только некоторая бледность ее говорила о том, что она взволнована. Можно себе представить эту сцену так: в разговоре о смерти, в сотый раз повторяя свою любимую тему, Висновская сказала ему: «Если любишь, убей меня и докажи любовь». Раб ее слов сейчас же поднял на нее револьвер. Эта решимость взволновала ее, но так как она была вызвана ее приказом, а не была неожиданной выходкой, то Висновская и не кричала и не звала на помощь.

На этом кончим историю их отношений до 26 марта. Перейдем к этому дню, так как, по словам Бартенева, с этого дня их отношения существенно изменились. Так ли это? Есть серьезные данные, свидетельствующие, что мы можем верить Бартеневу и в этом: 26 марта 1890 г. между Бартеньевым и Висновской происходит обмен колец. Бартеньев говорит, что в этот день она принадлежала ему. Свидетели нам говорят, что с этого дня их отношения стали нежнее и лучше. Свидетельница Штенгель слышала разговор на «ты», и это «ты» имеет важное значение. Уже из одного чувства стыдливости женщина никогда не скажет мужчине «ты» при посторонних. Она начинает говорить так только наедине с ним, но это становится привычкой, и если при посторонних нечаянно прорвется это неосторожное «ты», то оно имеет многозначительное значение. Правда, среди артистов принято говорить друг другу «ты», но ведь Висновская сказала это слово не товарищу по сцене, не артисту, а Бартеньеву. Однако есть предположение и противоположного свойства: говорят, что до самого дня убийства Бартеньев был чужим Висновской. Поэтому объяснение Бартенева нуждается еще в подкрепляющих данных; оно нуждается в них и потому еще, что установка взгляда на этот

момент важна для понимания момента самого преступления. Висновская, по моему мнению, могла незаметно приучить себя к Бартеневу. Ведь он один относился к ней с уважением, которого не было у других; он так долго страдал; он, по словам его, ей сказанным, не по своей воле не может быть ее мужем: он не на словах, а на деле готов был расстаться с жизнью, если она не будет его подругой. Это дало место состраданию, жалости к нему, а эти чувства часто с успехом заменяют то, которое она не могла воспитать в себе. Различие этих чувств от любви — некоторая снисходительность к предмету сожаления в противоположность уважению, какое внушает тот, кто вселил любовь. А к этому нас и приводит свидетельство Залесского, умевшего со всей тонкостью художника подметить очень важные черты в отношениях Висновской и Бартенева в период с 26 марта по день преступления: раз он заметил, что сказанная ему Висновской дата отъезда ее за границу совпала с датой, сообщенной ему Бартеневым. Это навело его на мысль, что у Бартенева и Висновской — общие интересы, общие планы на жизнь. Другой раз, когда, по случаю какого-то литературного праздника. Залесский предложил и Висновской участие в обеде, она, по его словам, робко и смущенно, как-то нежно и заискивающе спросила его: «А можно со мной быть и моему гусарику»... что убедило его, Залесского, что он ей не чужой, не посторонний, а уже свой, близкий человек. Приняв за доказанное, что отношения Висновской и Бартенева с 26 марта и позднее стали близкими, я теперь перейду к изучению той наклонной плоскости, по которой несчастные Висновская и Бартнев шли к своей развязке.

Для Бартенева, полагавшего, что с момента близости отношений начнутся для него золотые дни спокойствия, наступили, напротив, дни новых и новых волнений. Чем-то холодным, нерадующим веяло от этой близости. Игра на сцене уносила все силы Висновской; домой она при-

ходила утомленная, недовольная действительным и кажущимся нерасположением прессы, действительными и мнимыми издевательствами над ее романом со стороны закулисного мирка. В такие минуты Висновская, если даже она была близка к Бартеневу, не могла успокоить его теплотой отношений. Вечно задумчивая, вечно смотрящая куда-то мимо интереса момента, она нехотя отвечала на ласки. Подымалась буря сомнения, недоверия, буря тем ужаснее, что она имела объективное основание. Тогда, теряя равновесие, Бартенев искал успокоение в вине и вечеринках с имевшими вход в квартиру Висновской, находя в этом обществе попеременно то пищу для своей ревнивой любознательности, то ласкающие его темы разговоров. А Висновской, связавшей себя не любя, запутавшейся в противоречиях слов и чувств, теперь настояло придумать средства отделять и смягчать тяжелые минуты случившегося романа. К этому моменту, вероятно, относится ее мысль о приготовлении особой квартиры, которая успокоит Бартенева, а вместе даст повод сократить его тяжелые визиты в ее дом, тяжелые — раз близости отношений, допущенных Висновской, не соответствовало с ее стороны желание их.

Я сказал вам, что Висновская была разбитой натурой. Полагаю, что это аксиома настоящего процесса. У таких натур нет цельности ни в поступках, ни тем более — в проектах и мечтах. Поставляемые цели и предпринимаемые ими средства, помимо неблагоприятных обстоятельств, разбиваются о собственное взаимное противоречие.

Случилось то же и тут. Она сошлась, видя в этом исход одним неудачам, и в то же время недовольна и наличным фактом, поэтому ищет средства против него в уединенной квартире. Но в то же время недовольная и всей суммой этих мер и тяготясь ими вообще, она мечтает о поездке в Америку, как средстве выйти победоносно из настоящего гнета. Но и об этой поездке у ней двоятся мечты: судя по свидетельству Залесского, можно думать, что в часть этого

плана был посвящен Бартенеv, собиравшийся в заграничный отпуск и мечтавший о службе при посольстве; но рядом сформировался и другой план — поездкой покончить с Бартеневым и, разорвав с ним, вернуться в Варшаву уже через год, когда уляжется история и отвыкнут от нее прошлогодние поклонники вместе с Бартеневым.

По всей вероятности, Бартенеv кое-что узнал про второй план в тот день, в который он прислал ей письмо и вещи, оставленные ею у него на память (портреты, зонтик), вместе с ее записками.

Разрывая с Висновской всерьез или самообольщаясь в решительности своего поступка, оскорбленный тем, что, значит, над ним смеялись, когда посылали его приискивать квартиру, отвлекая его доверчивую натуру вымышленным опасением огласки связи в постоянной квартире покойной, Бартенеv писал, что он покончит с собой. Угроза и обстановка ее, выразившаяся в отсылке всего, чем дорожил он, испугали Висновскую. Мысль о том, что человек этот покончит из-за нее, что она увлекла его так далеко и вдохнула в него такую пагубную страсть, поразила ее. Она в полночь нанимает карету и едет к нему, чтобы не брать на душу чужой жизни. Он жив, он выходит к ней, и она, сажая его в свой экипаж, на этот раз словами, сказанными искренне взволнованным голосом, рассеивает его сомнение и едет с ним посмотреть квартиру, куда она, сегодня усталая, завтра непременно придет, и они заживут, украдкой, общей жизнью.

От ревности не оставалось ничего... Завтра, если сегодняшнее общение не окажется обманом, опять вспыхнет сомнение, но до завтра он по-своему счастлив и горд.

Завтра пришло, и наступил условный час. Висновская не обманула его, а, напротив, явилась с явным намерением исполнить его желания и посещать эту квартиру. Она захватила с собой даже принадлежности спального наряда (пеньюар). На ласки Бартенева она отвечала лаской. Время проходило среди веселых разговоров и ла-

когого ужина. Соседи не слышали ни ссоры, ни спора, ни крика о помощи. Ничего не давало повода вспыхнуть приступу ревнивого сомнения; напротив, делалось все, что вырывает это сомнение. Если же, тем не менее, это свидание закончилось убийством, которое, как грозный и неоспоримый факт, стоит перед нами и требует своей оценки, то нужно понять его.

Ревность к Палицыну или из-за Палицына — вот первое предположение. Оно не выдерживает критики. Если бы Висновская интересовалась генералом и предпочитала его Бартеневу, она не запуталась бы в своей истории: рассчитывая на силу и положение его, она не нуждалась бы заискивать и в Бартеневе.

Если бы Бартенев ревновал генерала Палицына и ненавидел его за ухаживание за Висновской, смерть могла грозить генералу, а не Висновской, особенно в минуты, когда она доказывала свое равнодушие к генералу, если он и на самом деле ею интересовался.

Ревнивец может убить отталкивающую его женщину, это правда; но в том-то и дело, что она только что полнее и, по-видимому, безогляднее отдалась ему. Вчера она, чего не делала раньше, приехала к нему в казармы ночью, подписывая, таким образом, приговор о себе как гласной подруге Бартенева; сегодня она у него в квартире... Все это разгоняло, а не надвигало тучи сомнений у подсудимого.

Отсутствию мотива с его стороны соответствуют и внешние данные: яд и орудия убийства везет тот, кому они нужны для задуманной цели. Но мы не имеем ни одного сносного доказательства, что их принес Бартенев. Наоборот, прислуга Висновской видела, револьвер был завернут в сверток при уходе Висновской из дому; она уже узнала яды, найденные в комнате убийства, как бывшие в руках Висновской. Попытка противопоставить свидетелей противоположного — не серьезна. Если портниха, к которой заезжала Висновская, ехав к месту своей смерти, не видала у нее при входе и выходе из магазина

свертка с револьвером, то не надо забывать, что сверток, не нужный для разговоров с портнихой, мог быть оставлен у извозчика, с которым ехала к Бартеневу покойная. Но зачем ядам и револьверу быть у Висновской и зачем ей везти их в общую квартиру? Конечно, не для убийства Бартенева и не для самоубийства; у нее была иная причина и иной возможный мотив. Вы знаете, что и Висновская, и Бартенева давно играли в смерть, прежде чем один из них нашел настоящую. Смертью они испытывали и пугали друг друга. Но Висновская еще не хотела настоящей, заправской смерти, и, когда поддавшийся ее настроению Бартенева хотел покончить с собой, она оставила его у себя, как бы уничтожая одну из вероятностей его расчета с жизнью. Накануне, когда он вновь заговорил на тему, ею же в нем развитую, она остановила его, обещая утешениями жизни успокоить его.

Со своей стороны, отдавшийся ей до самозабвения Бартенева, принимавший ее меланхолическую игру в смерть за твердую решимость, тревожился за нее, особенно когда, подчиняясь ее воле, он сам же достал ей яды. Вот, порешив посетить таинственную квартиру и тем привязать Бартенева к жизни, Висновская представила себе сцену, которая должна выбросить у Бартенева мысль о смерти и обеспечить ее от принятия на душу греха за чужую жизнь. Она несла ему его револьвер с целью возвратить его и выразить уверенность, что теперь он будет жить, ибо причины, наводящие на самоубийство, устранены. «Но ведь и он будет требовать от меня доказательств, что я нашла в союзе с ним интерес к жизни и изгнала мечты о смерти. Вот я отдам ему мои яды, как доказательство, что наши невзгоды миновали».

Свидание участников драмы шло обычным путем бытовых сцен. Они весело разговаривали, и она позволяла ему ласкать себя. Небогатая внутренними силами натура Бартенева вся ушла в самоуслаждение. Ему казалось, что теперь нет никакого интереса, о котором можно бы было

думать и говорить, кроме взаимного обладания. В сотый раз переговаривал он ей избитые любовные темы и не понимал, как может ей приходить на ум что-либо постороннее и чуждое интересам данной минуты. Но не то переживала Висновская. Не нося в сердце ничего к Бартеневу или только снисходительное сожаление, переходившее в привычку к нему, как к своему человеку, нервно разбитая впечатлениями прошлой ночи и излишествами настоящей, увлекаемая образами своей фантазии в массу тяжелых ощущений не настоящими или грядущими, а возможными только в будущем осложнениями своей жизни, Висновская незаметно дала иное настроение их свиданию.

Если она и порешила было помириться с положением тайной подруги Бартенева и связать с ним свою судьбу, то, думалось ей, не поведет ли это к новым и новым несчастьям: сегодня он по-своему счастлив, верит ей и верит в свою решимость рано или поздно дать ей свое имя и положение, но пройдет несколько времени, привыкнет он к своему новому положению, безвольный и слабый, он не найдет сил противоречить отцу и не выйдет из того ложного положения, в которое ее сегодня ставит. А там, успокоившись, он, может быть, иными глазами посмотрит на ее прошлые ошибки, иначе отнесется к ним и, как все, упреками и угрозами отравит ее жизнь...

А между тем, что же она делает? Гласно — ведь недолго же на самом деле продержится тайна их связи — разорвав со своими друзьями по сцене и профессии, гласно предпочтя чужого своим, она приобретает массу недругов и недоброжелателей. Сцена уходит от нее.

Уехать? куда? в Америку? Но ведь не так легко добыть славу на чужбине, не имея ни достаточных средств, ни достаточной подготовки, Уехать с ним? Но он будет только обузой для нее, да и не на что ему ехать.

Не все из того, что она переживала, она ему сказала. На словах, по вечной привычке ласкать словом своего поклонника, она выдвигала другую тему. Она говорила

о том, что жизнь ее полна страданий, ибо то, что дается другим легко, ей достается путем страшных жертв. «Вот я собираюсь далеко. Не думаешь ли, что мне это так и дается? — Нет, мою свободу мне уступают дорогой ценой. Тот, кто меня отпускает, требует, чтобы я две недели прогостила у него в деревне». Зачем она это говорила и искренно ли жаловалась на то, о чем говорила, — ее дело. Не хочу догадываться о цели слов, но могу себе представить след, который они оставили в впечатлительном к слову Висновской Бартеневе.

И вот оба неудачника, оба изломанные жизнью или ошибками воспитания, они начинают поддаваться влиянию любимой темы своих прошлых свиданий, один другого опьяняя мечтами вслух о могильном покое, о прекращении земных страданий и бесцельности жизни, о мрачном будущем их общей судьбы.

Не забудьте, что все это говорится в чаду винных паров и в утомлении эксцессами чувственных отношений.

Игра в смерть перешла в грозную действительность. Они готовятся к смерти, они пишут записки, кончая расчетом с жизнью. Мое дело доказать, что эти записки не результат насилия одного над другим, а следствие обоюдного сознания, что с жизнью надо покончить. Но прежде всего не забудем, что в желудке покойной найден опиум и констатированы следы употребления хлороформа.

Можно насильно застрелить, удушить или утопить, но насильно отравить, не вызывая у жертвы крика протеста, попыток борьбы, — нельзя. Отравы — убийство тайное: ее дают обманом жертве, если она не хочет добровольной смерти. Вы знаете, что ни призыва на помощь со стороны Висновской, ни следов борьбы за жизнь с ее стороны не констатировано.

Записки, оставленные покойной и восстановленные из лоскутков, найденных в комнате, где произошло убийство, и сравнение их с записками, писанными Бартене-

вым, доказывают не насилие, а сговор Бартенева и Висновской к обоюдной смерти.

Вопреки мнению экспертов, я думаю, что оставшаяся целой записка писана позднее разорванных, что, следовательно, уничтожение последних — дело рук покойной.

Единственное соображение экспертизы основано на том факте, несомненно верном, что записка целая писана хорошо очиненным карандашом, а уничтоженная — в порядке, указанном в акте осмотра, — карандашом, постепенно исписывавшимся.

Но, имея с собой перочинный нож или ножи для ужина, Бартенев и Висновская могли начать писать исписанным карандашом и починить его, когда он отказался далее служить им.

Моя собственная экспертиза, думается мне, вернее: она основана на изучении текста. За исключением записки к Палицыну о деньгах, прочие записки Висновской писаны к одному и тому же лицу и об одном и том же. Все они начинаются словами «человек этот» или заключают эту фразу в тексте. Во всех прощание с матерью и искусством и отсутствие какого-либо специального содержания, различающего их одну от другой и указывающего на особые цели каждой записки. Это одна и та же записка в неудачных редакциях, уничтоженная ради последней, удовлетворившей пишущую. Ясно, что чего-то добивалась покойная от себя, чем-то была озабочена, не находя долго подходящего выражения для предложенной цели.

Цель эту нам раскрыла одна подробность, здесь обнаруженная на суде. Покойную, говорят нам, не предали земле с последними обрядами церкви. Это глубоко печалит ее неутешную мать. Позволю себе догадку: покойная любила мать и даже в минуты смерти, приготовленной, по недостатку данных, не поддающихся удовлетворительному анализу припадками обоюдного разочарования жизнью, помнила о ней. Ее записки к Палицыну — сильная забота о материальных нуждах старушки, ее дру-